

ЯЦЕК КАЧМАРСКИЙ

[261]

ИЛ 6/2021

Баллады о времени и свободе

Перевод и вступление ИГОРЯ БЕЛОВА

Легендарного польского поэта, певца и композитора Яцека Качмарского (1957—2004) часто называют “бардом ‘Солидарности’”. Это, конечно, правда, но лишь отчасти. Да, его песни возникали не на пустом месте, их ритм, интонацию и содержание, казалось, нашептывает само время — время, когда поляки боролись с тоталитарным коммунистическим режимом, годы побед и поражений, надежд и разочарований. Однако талант Качмарского оказался куда шире прокрустова ложа политики и долговечнее своей эпохи. Эпоха закончилась, а стихи и песни остались. Более того — удивительным образом не потеряли своей актуальности и в политическом плане. Хорошо это или плохо — другой вопрос.

Как поэт и бард Качмарский сформировался в середине 1970-х, в годы “польского застоя” — у поляков был свой Брежнев, и звали его Эдвард Герек. Кризис социалистической системы ощущался все отчетливее, польская интеллигенция зачитывалась самиздатом, а молодежь изнывала от полного отсутствия жизненных перспектив. При этом сил на полноценный протест у людей не было, общество находилось чуть ли не в спячке, и официальная пропаганда умело поддерживала это состояние полусна, уверяя, что все и так прекрасно, поэтому менять ничего не нужно. Влечить растительное существование Качмарскому не хотелось — об этом желании вырваться из оцепенения, чтобы потом, по словам советского классика, “не

© ЯСЕК КАЗМАРСКИИ, 1975—1987

© ИГОРЬ БЕЛОВ. Перевод, вступление, 2021

Публикуется при поддержке Института литературы (Краков, Польша).

было мучительно больно за бесцельно прожитые годы”, написана его ранняя песня “Зал ожидания” (“Poczekalnia”). Ее герои боятся покинуть вокзальное тепло, верят успокаивающему голосу из мегафона (читай — госпропаганде), который уверяет, что их поезд еще не пришел, и впустую растрачивают лучшие годы, так и не отважившись выйти на холодный, продуваемый всеми ветрами перрон, чтобы уехать прочь из уютных, но бесцветных будней. Как это часто бывало у Качмарского, песня “Зал ожидания” оказалась универсальной метафорой человеческого бытия.

Взяться за гитару и перо Качмарского сподвигла встреча с Владимиром Высоцким, которого юный поляк увидел в 1974 году в Варшаве на “квартирнике” у режиссера Ежи Гофмана. Впечатление, которое произвел на Качмарского автор “Охоты на волков”, было сродни ожогу. Они никогда не общались лично — слишком велика была разница в возрасте и статусе, — однако Качмарский заочно научился у Высоцкого многому: экспрессии, умению раскрыть тему с разных, порой неожиданных сторон, мастерству рассказывания историй... Качмарский перевел на польский около двух десятков песен Высоцкого и ввел их в свой бардовский репертуар. Точнее, не перевел, а творчески переосмыслил, переработал, перенес в польский культурный контекст. “В молодости Высоцкий был для меня источником неустанного вдохновения”, — признавался Качмарский годы спустя. Высоцкий, как известно, постоянно менял лирические маски, и этой актерской мимикрии Качмарский тоже научился у него — он заводит речь то от лица польского повстанца-аристократа, возвращающегося в Польшу из сибирской ссылки, то от лица писателя и художника Виткация... Впрочем, чаще всего Качмарский предпочитал говорить от своего имени. А рассказать ему было о чем.

Яцек Качмарский великолепно знал историю, и многие его песни — своеобразные лирические иллюстрации к важнейшим (и, как правило, трагическим) событиям польской истории. У него есть произведения о польских восстаниях XIX века, Катюши, сентябрьской катастрофе 1939 года... Одна из самых известных и значительных его песен — “Ялта” (“Jałta”) — дает исчерпывающий ответ на вопрос, почему поляки считают себя проигравшей стороной во Второй мировой войне. В Польше, к слову, до сих пор не утихают споры об итогах Ялтинской конференции: одни обвиняют союзников, согласившихся отдать Польшу в сферу советского влияния, в предательстве, другие утверждают, что Черчилль и Рузвельт были обмануты Сталиным (Качмарский склонялся ко второй версии).

Интересно, что своими “историческими” песнями Качмарский оказался во многом близок Яну Матейко, знаменитому польскому живописцу XIX века, чьи полотна, посвященные ключевым событиям польской истории, были призваны укрепить национальный дух поляков в то время, когда Польша отсутствовала на карте Европы. Кстати, Качмарский в каком-то смысле тоже был лишен родины — когда в 1981 году он записывал во Франции альбом своих песен, в ПНР было введено военное положение. Качмарский выбрал эмиграцию и вернулся домой только спустя девять лет.

“Визитной карточкой” и — как это часто бывает — проклятием Качмарского стала песня “Стены” (“Mury”). На ее создание Качмарского вдохновила песня каталонского оппозиционного певца и поэта Луиса Льяха “L’Estaca” (“Столб”), в которой говорилось о том, что люди, подобно овцам, привязаны к столбу (под которым Лях подразумевал диктатуру Франко), ходят вокруг него кругами, и, чтобы обрести свободу, этот столб надо срыть. Качмарский не стал переводить песню Льяха дословно, но написал на ее мотив собственный текст о стенах и решетках, которые лишают человека свободы. Песня мгновенно стала популярной, а поскольку появилась она во время забастовок польской “Солидарности”, нет ничего удивительного в том, что она сделалась неформальным гимном польской антикоммунистической оппозиции. Люди, певшие “Стены” на митингах и подпольных концертах, в автозаках и лагерях для интернированных, не сомневались, что в песне речь идет о стенах, возведенных тоталитарным режимом. И по сей день песня “Стены” звучит там, где люди борются за политическую свободу и человеческое достоинство, — например в Беларуси, где участники акций протеста летом и осенью 2020 года пели белорусскоязычную версию “Стен”, выполненную замечательным белорусским поэтом и переводчиком Андреем Хадановичем.

Впрочем, сам Качмарский вкладывал в песню “Стены” куда более широкий смысл. Впоследствии он не без раздражения замечал, что его не до конца поняли, что песня говорит об экзистенциальном одиночестве поэта (недаром там есть строчка “Певец же был сам по себе”) и о том, что мало победить тоталитаризм — нужно разрушить стены предрассудков, ненависти и лжи, которые люди зачастую возводят по собственной инициативе. Справиться с этими стенами оказалось намного сложнее. Возможно, поэтому Качмарский быстро разочаровался в переменах, произошедших в новой, независимой Польше, и снова эмигрировал. В его песнях — таких, как “Одноклассники” (“Nasza klasa”)¹ и “Эпитафия Бобу Дилану” (“Epitafium dla Boba Dylana”), оказавшейся преждевременной, но тем не менее пророческой эпитафией самому себе — все чаще была слышна нотка горечи. И все-таки гораздо отчетливее звучит в них голос надежды. Надежды на то, что современный человек, разучившись ходить в ногу со всеми и по первой команде сверху сбиваться в стаю, сможет наконец-то обрести любовь и свободу.

1. Прямой и намеренной аллюзией на созданную в 1983 г. песню “Одноклассники” стала написанная в 2008 г., в контексте споров об исторической ответственности поляков, пьеса Тадеуша Слободзянека “Одноклассники. История в XIV уроках”, посвященная трагедии в польском местечке Едвабне, где в июле 1941 г. практически все еврейское население было уничтожено руками польских соседей. См. Тадеуш Слободзянек. Одноклассники. История в XIV уроках. — ИЛ, 2011, № 10. (Прим. ред.)